

ПРАЗДНИК: «АРХЕТИПИЧЕСКОЕ» И «ЭТНИЧЕСКОЕ»

DOI 10.37386/2305-4077-2025-4-88-104

Е. Л. Яковлева¹

*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
(Казань, Россия)*

АРХЕТИПИЧНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАЗДНИКА КАЗ ӨМӘСЕ И НОСТАЛЬГИЯ ПО ЭТНИЧЕСКИМ КОРНЯМ

Статья посвящена анализу национального праздника татар по коллективной обработке гусей – каз өмәсе, приобщение к которому помогает справиться современному индивиду с ностальгическими переживаниями. Участие в празднике позволяет осуществить метафизическое трансцендирование, прикоснуться к истокам культуры, понять собственную национальную идентичность. В празднике заложена архетипичность, где каждый архетип обладает мыслеобразом, обусловленным Космо-Психо-Логосом народа. Гусь в празднике превращается в значимый символический образ, совмещающий в себе черты архетипов Мудреца, Великой Матери, Героя и Трикстера. И данная архетипичность тотемной птицы высвечивается в драматургии праздника.

Ключевые слова: национальный праздник, ностальгия, боль, архетип, архетипичность, мыслеформа, Космо-Психо-Логос, гусь, каз өмәсе, драматургия

E. L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russia)

THE ARCHETYPAL CHARACTER OF THE NATIONAL GOOSE FEATHER HOLIDAY AND NOSTALGIA FOR ETHNIC ROOTS

The article is devoted to the analysis of the Tatar national holiday for the collective processing of geese – kaz omase, which helps a modern individual to cope with nostalgic experiences. Participation in the celebration allows him to realize metaphysical transcendence,

¹ Елена Людвиговна Яковлева – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (Казань, Россия). E-mail: mifoigra@mail.ru.

touch the origins of culture, and understand his own national identity. The holiday has an archetypal character, where each archetype has a mental image conditioned by the Cosmo-Psycho-Logos of the people. During the celebration, the goose turns into a significant symbolic image that combines the features of the archetypes of the Sage, the Great Mother, the Hero and the Trickster. And this archetypal totemic bird is highlighted in the drama of the holiday.

Keywords: national holiday, nostalgia, pain, archetype, archetypality, thought form, Cosmo-Psycho-Logos, goose, goose feather, dramatic composition

Введение

В современном мире социум функционирует в режиме двоемирия (реальности и виртуальности), а виртуальное пространство оказывается необходимым для каждого человека, осуществляющим в нем множество задач. Довольно часто личность оказывается неудовлетворенной существующим положением дел. Как справедливо замечает А. Руди, «поскольку социокультурный порядок всегда вписан в определенные пространственно-временные границы, постольку потребность в изменении наличествующего уклада обуславливает устремленность субъекта к другим временам и местам» [Руди, 2024, с. 190]. И в качестве подобной устремленности оказывается интерес к историческому прошлому своего народа, некоторые страницы которого связаны с праздничной культурой, сохранившейся до наших дней. Национальный праздник выступает в качестве своеобразной точки сборки современной личности, устающей от своей многозадачности, осуществляемой ежедневно на большой скорости одновременно в реальности и виртуальности. Неслучайно приобщение к национальной праздничной культуре в современности набирает обороты, о чем свидетельствует событийный, эксклюзивный, культурный и гастрономический туризм, посвященный посещению определенного региона во время проведения национальных праздников. Прошлое и возврат к нему посредством праздника оказывается ценным для индивида. «В культурных практиках коммеморации коллективный рефлексирующий субъект, стремясь к историческому укоренению, пытается установить генетическую связь с каким-то из древнейших этносов, осознавая свою историю и себя как отдельную культурно-историческую целостность» – указывает А. Руди [Руди, 2024, с. 193]. Данный факт заставляет исследовать проблему истоков потребности современных людей в национальных праздниках, особенностей погружения в их стихию, а также символизм праздничного действия.

Материалы и методы

Методы исследования – аналитический, феноменологический и герменевтический. В качестве теоретической основы статьи избраны идеи о специфике

ностальгии С. Бойм и А. Руди, праздника В. Н. Топорова, архетипичности К.-Г. Юнга, Космо-Психо-Логоса Г. Гачева, трансцендирования А. С. Гагарина. Благодаря им осуществлена рецепция природы национального праздника, связанного с архетипичностью, и дана интерпретация татарского национального праздника по коллективной обработке гусей – каз өмәсе.

Результаты и их обсуждение

Участие в празднике завораживает современного индивида своей архаичностью, стихийностью и коллективностью, вовлекая в действие и заставляя онтологически и эмоционально переживать огромную палитру разнообразных чувств. Праздничное действо превращает человека в актора, зрителя и участника динамичной картины рождения мироздания или его отдельных эпизодов, что пробуждает в личности интуиции о важности свершаемого действия, в том числе для него. В подобном погружении в аутентичную среду усматриваются истоки ностальгии. Необходимо подчеркнуть, в данном случае речь идет об особом модусе ностальгии – национальном, связанном с тоской по прошлому своего народа и своим этническим корням. И сегодня национальная ностальгия имеет массовый характер. Как справедливо заметил А. Руди, «ностальгическое чувство служит своеобразным индикатором недостоверности, неестественности происходящего, напоминая о ценностях и собственной аутентичности мыслящего субъекта, напрасно оставленных в прошлом» [Руди, 2024, с. 194].

Ностальгия относится к числу экзистенциалов человеческого бытия, помогающих понять себя и обрести комфортные пространства существования. Она выступает в качестве «способа ощущения субъектом себя и окружающей реальности во времени» [Руди, 2024, с. 189]. Ностальгические переживания возникают на определенном этапе жизни личности, начинающей испытывать дискомфорт, что чаще всего случается в зрелом и/или преклонном возрасте, в ситуации разрыва с Родиной (по причине командировки, эмиграции, бегства и пр.) или при утрате стабильности существования. Ностальгия вызывает «стремление человека освободиться от собственной неукорененности» из-за «тоски по подлинному бытию» [Чеснокова, 2016, с. 126, 128]. Возникающие при этом воспоминания помогают индивиду осознанно выстроить панораму своей жизни, выделить в ней значимое пространство и понять его роль для Я: «Индивидуальное проживание ностальгии – свидетельство способности влиять на настоящее, проектировать будущее, иметь опыт, укрепляющий индивида устойчивыми целями и ценностями» [Руди, 2024, с. 199]. Несмотря на субъективность ностальгических переживаний, в них обнаруживаются

элементы коллективного. Ностальгия обладает не только индивидуальным, но и коллективным аспектом, что возводит ее в форму исторической памяти народа. Как заметила С. Бойм, ностальгия «касается взаимоотношений между частной биографией и биографией сообществ или наций, между личной и коллективной памятью» [Бойм, 2021, с. 20].

Ностальгические переживания в настоящем накрывают своей волной человека, начинающего понимать потерю Нечто в бытии. И данная потеря оказывается связана с прошлым не только личным, но и коллективным. Ностальгия выступает в качестве «запроса на истинное, не обнаруживаемое в границах наличествующей культурной реальности», выступающего в качестве должного, то есть «символа утраченного места и времени, чего-то, что уже было познано и определяло сущность субъекта, насколько последняя возможна в полноте и адекватности самопознания» [Руди, 2024, с. 194]. Современный индивид интуитивно чувствует, что он все больше теряет свою связь с реальностью, проводя огромное количество времени в виртуальной среде. При этом, *«чем сильнее утрата, тем больше сверхусилия по увековечиванию памяти о ней, тем сильнее отдается прошлое и тем заметнее оно подвергается идеализации»* [Бойм, 2021, с. 58]². В ностальгических переживаниях личности заложены механизмы противостояния времени, позволяющие (бес)сознательно помнить о культуре этноса. Испытывая ностальгию, человек (внутренне) размыкает себя. Предаваясь воспоминаниям, он осуществляет «трансцендирование самим переживанием пределов индивидуального бытия» [Руди, 2024, с. 197], выходя за границы своей истории и присоединяясь к истории нации. При этом для него нередко не нужна детализация прошлого, а важен определенный символический образ, олицетворяющий Родину как родное, материнское, близкое, душевное.

Одновременно с ностальгическими переживаниями рефлексия о прошлом заставляет ощутить *боль*. Она «возникает в момент столкновения социального субъекта с конфронтацией должного и сущего, побуждая субъекта установить подлинное положение вещей» [Руди, 2024, с. 203]. Ностальгия обусловлена пониманием невозможности полного возврата к прошлому и своим корням. Дело в том, что «прошлое вообще не подлежит возврату: время необратимо, само видение прошлого конструируется и переконструируется, исходя из данных настоящего» [Руди, 2024, с. 196]. И осознание невозврата довольно болезненно для личности, ощущающей бессмысленность настоящего, щемящее одиночество, отчаяние от утраты ценного, что сопровождается тяжестью

² Курсив здесь и далее наш. – Е.Я.

в груди, учащенным сердцебиением, бессонницей, истощением эмоциональных и физических ресурсов. Заикленность на воспоминаниях влечет за собой трудности в концентрации внимания, раздражимость к настоящему, сожаления об упущенных в прошлом возможностях и пр.

Итогом ностальгических переживаний оказывается то, что личность начинает свой *роман с прошлым* [Бойм, 2021, с. 110], который поддерживает «интровертивное мышление, обращенное внутрь, ориентированное на приспособление к коллективному бессознательному» [Юнг]. Восхождение к прошлому у человека осуществляется через интерес к истории и культуре своего народа, а также через посещение его территорий и приобщение к святыням, артефактам культуры и искусства, национальной традиции (в том числе праздникам и кухне). Ностальгию по этническим корням удовлетворяет участие личности в национальном празднике. Приобщение к нему способствует пересечению двух модусов ностальгии, выделенных С. Бойм, – *реставрирующей*, поддерживающей восстановление утраченного и заполнение пробелов в памяти, и *рефлексирующей*, направленной на припоминание прошлого [Бойм, 2021, с. 103]. В этом отношении необходимо отметить позитивный, защитно-охранительный потенциал ностальгии. Участие в праздничном действе позволяет уменьшить волну переживаний и снизить болезненный дискомфорт.

Несмотря на то, что каждый национальный праздник уникален, в нем можно выделить типичные для всех праздников черты. В. Н. Топоров называет такие особенности, «как всепроникающая сакральность, целостный характер, прагматичность (он рассматривался как абсолютно необходимое практическое действие), эффективность (“первопраздник” – самый сильный инструмент человека в его взаимоотношениях с природой), неотделимость от ритуала, синтетичность (использование всех доступных человеку знаковых систем), всеобщность (участвуют все члены коллектива), игровой характер, эмоциональность» [Топоров, 1980, с. 330]. Как правило, национальный праздник в прошлые времена выстраивался вокруг значимого для этноса события и/или мифа, где демонстрировалось представление о *своих* и *чужих*. Разыгрывание события/мифа рождало его онтологическое и эмоциональное переживание в кругу своих. Все участники праздничного ритуала ощущали единство не только друг с другом, но и с мирозданием. Закреплением подобного единства выступали определенные действия внутри праздничного ритуала: например, участие в хороводах с пением песен, проведение состязаний, разыгрывание сценок, поедание обрядовой пищи.

Праздник выводит людей из повседневного течения их жизни в особое время и пространство, отличающиеся своей сакральностью, символическостью, насыщенностью и динамичностью. В развертывании праздничного ритуала обнаруживается воспоминание о прошлом, его (перво)событии, значимом для этноса. Здесь на первый план выходят ключевые символы, олицетворяющие собой идеалы, и помогающие осуществить причастность к «позитивному» нередко через жертвоприношение. Благодаря этому происходит символическое обновление бытия и поддерживается надежда на благополучие.

Вовлеченность в праздничное действо позволяет ощутить принадлежность к конкретной группе, удовлетворяя потребность в социальном взаимодействии. Праздник сохраняет и транслирует традиции, способствует сплоченности, демонстрирует связь настоящего с прошлым и будущим, вселяет надежду на лучшее, позволяя понять свою национальную идентичность.

Встает вопрос: что делает национальный праздник мощным средством притяжения и релаксации для современного индивида?

Как мы считаем, ответ коренится в следующем. Национальный праздник *архетипичен*, что заставляет вспомнить концепцию К.-Г. Юнга, согласно которой «часть бессознательного состоит из множества временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые, невзирая на утрату, продолжают влиять на наше сознание»: они не забыты и «присутствуют в сублимированном состоянии» в виде *архетипов* [Юнг, https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#]. В понимании психоаналитика архетип, связанный с коллективным бессознательным, оказывается «итогом жизни рода, он присущ всем людям, передается по наследству и является тем основанием, на котором вырастает индивидуальная психика» [Юнг, https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#]. При этом психика индивида сохраняет реакции на возобновляемые культурные феномены, что оказывается своеобразным сигналом о качестве существования человека. По К.-Г. Юнгу, архетипические образы обнаруживают себя в различных сферах культуры, в том числе в мифах, искусстве, праздничной обрядности. Здесь они отшлифовались до уровня символов, став «прекрасными по форме и всеобщими по содержанию» [Юнг, https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#]. Сам архетип тотален и самодостаточен. Он «имеет собственную побудительную специфическую энергию», «воспроизводит себя в любое время и в любой части света, – даже там, где прямая передача или “перекрестное оплодотворение” посредством миграции полностью исключены» [Юнг, https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#].

Праздничный архетип обладает *мыслеформой*, выраженной в содержании (нередко связанном с мифом), последовательности его развертывания и сопровождающих действиях. Мыслеформа архетипа «отвечает как на вопрос “что” (что происходит), так и одновременно на вопрос “как” (как происходит, как действует)» [Кривцун, 2018, с. 21]. Мыслеформа архетипа связана с ранней формой человеческого мышления – синкретической, для которой характерны вера в мифы и чудо, целостное восприятие предметов и явлений, эмоциональная реакция на происходящее. Согласно синкретической форме мышления, бытие подчинено мифологическим принципам. Среди них назовем разделение мира на сакральное и профанное, отсутствие случайного, потому что «все связано со всем», «все может превратиться во все», а «часть не только представляет собой целое, но и есть это целое» [Кассирер, 2002]. Мыслеформа архетипа концентрирует в себе информационный (знание), поведенческий (воля) и эмоциональный (чувство) алгоритмы, что позволяет человеку проявлять себя в соответствии с ними. В мыслеформе архетипа праздника, в его схеме заложен образец, указывающий на должное, *что и как должно быть*. Информационная составляющая праздничного действия направлена на размышления, поведенческая – на побуждение к действию, эмоциональная – на эмпатию и соответствующие празднику чувства. Осуществление праздника по образцу влияет на дальнейший ход событий (как правило, в течение года). Для этноса мыслеформа архетипа праздника играет роль социальной установки, которой необходимо следовать, чтобы не нарушать законы мироздания и обрести благополучие.

Необходимо заметить, что мыслеформа праздничного архетипа связана с триадой *Космо-Психо-Логоса*, в которой «тип местной природы, характер человека и национальный ум находятся во взаимном соответствии и дополнительности» [Гачев, 2015, с. 4]. Все составляющие Космо-Психо-Логоса необходимо учитывать при интерпретации определенного культурного сегмента, в своем основании содержащем архетип. В мыслеформе праздничного архетипа Космо-Психо-Логос проявляется в действе, разворачивающемся в определенном пространстве, соотношенном со значимым (перво)событием, логикой его развертывания и психологическим состоянием людей, вкладывающим определенный смысл в происходящее.

Мыслеформа архетипа у каждого этноса уникальна в виду того, что она учитывает национальный Космо-Психо-Логос. Он демонстрируется в образ(н)ах национальной культуры, в том числе праздничной. В празднике *архетипичность* выступает в качестве манифестации коллективной идентичности, содержа в себе фундаментальные черты, ценности, желания и стремления

народа, выражаемые посредством культурного контекста. При этом в национальном празднике в виду его архетипичности и символизма обнаруживается смысловая многослойность, в которой зашифрованы особенности Космо-Психологоса как ментальности, типа хозяйствования, повседневности и быта народа. Сам архетип у каждого этноса связан с культурой и несет в себе несколько содержательных аспектов, служащих раскодировке шифров праздника. Необходимо подчеркнуть, что архетипы как универсальные образ(ц)ы, обладающие определенными моделями поведения, заявляют о себе в национальных праздниках довольно мощно. Среди наиболее распространенных архетипов, позволяющих этносу во время праздника пережить важные для него темы и ценности, выделим следующие. Так, архетип Мудреца наделяет праздник философичностью, связанной с передачей опыта молодому поколению через знания (поговорки, сказки, раскрывающие цикличность жизни, подведение итогов определенного периода и пр.) и конкретные навыки. Архетип Великой Матери связан с праздничной ритуальностью, посвященной земледелию и плодородию, единению людей и проявлению заботы о будущем (рода, потомства, урожая). Архетип Героя придает празднику динамичность, внедряя в него элементы борьбы со злом в виде преодоления препятствий, состязаний и достижения целей. Архетип Трикстера подразумевает наличие в празднике нарушений социальных правил, что демонстрируется в переделываниях, розыгрышах, шутках.

В развертывании праздника благодаря содержащимся в нем архетипам происходит активизация смысловых, ценностных и эмоциональных связей, объединяющих людей и дающих им понять единство не только друг с другом, но и с прошлыми эпохами и мирозданием в целом. В этом отношении праздник выступает в качестве социального механизма, формирующего национальную идентичность, помогающего осмыслить историю и культуру своего народа, а также способствующего передаче традиции следующим поколениям.

Праздник сохраняет в себе ключевые символы, значимые для народа. Повторяемый ежегодно праздник заставляет заново, онтологически и эмоционально переживать всех участвующих мысльформу архетипов. Праздничное действие будоражит в памяти личности вытесненные архетипы и их смыслы. В празднике происходит «актуализация пережитого опыта» (нередко сохранившегося в памяти в качестве коллективного бессознательного), что сопряжено «с желанием вернуться к прошлому», а значит пройти «пограничное, “фронтальное” состояние субъекта, устремленного к преодолению порождающих границ» [Руди, 2024, с. 189]. В этом отношении память высвечивает собственную фронтальность, сохраняющую в сознании индивида пространства комфорта,

связанного с национальным прошлым, и инициирует потребность в приобщении к элементам бытия этноса, сохранившимся до настоящего времени.

«Поскольку человек не может выразить себя в наличном бытии как таковом, он настойчиво стремится к подлинному бытию и выходит за пределы своего наличного бытия и мира, интенционально устремляясь к их основам» – отмечает А. С. Гагарин [Гагарин, 2023, [https://vestnik-omgpru.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1\(38\)2023_9-14.pdf](https://vestnik-omgpru.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1(38)2023_9-14.pdf)]. Участие в праздничном действе способствует прорыву к истокам бытия, что позволяет индивиду осуществить экзистирование посредством *метафизического трансцендирования* и встретиться с сакральным. Данный опыт возможен благодаря отклику личности на происходящее. В результате своей открытости праздничной стихии человек приобщается к архетипам этноса и их мыслеформам, что открывает путь и к самому себе. При соучастности в праздничной ритуальности индивид, делая «экзистенциальный “прыжок” через бездну бытия», погружается не только в содержательный аспект происходящего с его архетипичностью, но и в себя, самоуглубляясь «для открытия внутри себя трансцендентного измерения бытия», что позволяет прикоснуться к бытию как «интенцированному к трансценденции» «высшему, внеположенному, абсолютному» [Гагарин, 2023, [https://vestnik-omgpru.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1\(38\)2023_9-14.pdf](https://vestnik-omgpru.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1(38)2023_9-14.pdf)].

Приобщение к празднику у индивида, в первую очередь, задействует образные (зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые) и эмоциональные ресурсы. Они стимулируют когнитивный потенциал индивида (в том числе интуицию и воображение). Во время праздника разрозненные в памяти обрывки воспоминаний неожиданно приобретают образную целостность, подводя личность к мысли, что все происходящее ему знакомо и оказывается близким, родным. У человека возникает ощущение того, что данный культурный опыт уже был с ним когда-то, что свидетельствует о пробуждении в нем коллективного бессознательного. Прошлое в глазах личности словно оживает, приобретая значимость и ценность. Индивид осознает глубинную связь с происходящим благодаря пониманию того, что и много веков назад огромное количество людей совершали подобные действия. В результате когнитивных процессов человек заново обретает смысл происходящего действия, что способствует единению со своим народом, его прошлым, настоящим и будущим.

Архетипичность праздничного действия способствует прикосновению к подлинному в бытии, что заставляет человека забыть о его заброшенности, одиночестве, конфликтности и напряженности существования. Обратим

внимание на то, что в прежние времена «люди не задумывались над символами, они попросту жили ими и бессознательно воодушевлялись их смыслом» [Юнг, https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#]. Современный человек должен обрести символ и задуматься над его значением. Праздник как со-бытие дает возможность осуществить «осмысление хода времени» после свершения его «значимых событий, с явственным окончанием определенного периода и пониманием, что так, как было привычно, теперь не будет»: «прошлое – не модус субстанциального времени, а пережитое, преодоленное состояние событийной природы» [Руди, 2024, с. 191].

Проанализируем татарский национальный праздник *каз өмәсе*, связанный с взаимопомощью по обработке гусей, его архетипичность и мыслеформу, отражающую Космо-Психо-Логос этноса. По В. Н. Торопову, такой праздник «соотносится с памятью о “первоначальных временах”, о времени творения, о демиурге, воплощенном в божество, в культурного героя или в тотемическое животное» [Торопов, 1980, с. 331]. В празднике *каз өмәсе* мы встречаемся с идеей поклонения тотемной птице татар, что объединяет народ. Именно гусь выступает в качестве «образа, способного связывать разнородное» и оказывающегося «адекватной гносеологической формой для познания национальной целостности» [Гачев, 2015, с. 13].

Наблюдения предков современных татар на территории своего проживания (как Космоса) за повадками гусей (как считывание окружающего мира и осмысление) способствовало наделению их определенными свойствами, связанными с Психеей (национальным характером) и Логосом (складом мышления). Тотемная птица являет собой проекцию или *психическую идентичность с человеком* (К.-Г. Юнг), что отсылает к далекому прошлому татар, когда у них господствовала синкретическая форма мышления, демонстрирующая то, что психика была «далека от полного синтеза, напротив, она слишком легко распадалась под напором неконтролируемых эмоций» [Юнг, https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#]. Заметим, даже миграция гусей «V-образным строем, демонстрируя командную работу и сотрудничество», «может рассматриваться как метафора коллективного бессознательного» [Богданова, https://www.b17.ru/article/obraz_gusya_s_tochki_zreniya_yungianskoy_psi/].

Испокон веков «татары боготворили как диких, так и домашних гусей, которые были одомашнены из диких птиц», а «тот факт, что они были водоплавающими, наделяет их сверхъестественными свойствами: гуси свободно перемещались по земле, воде и воздуху (даже домашние гуси летают, хотя невысоко

и недалеко)» [Яковлева, 2024, с. 106]. Умение летать указывает на связь гусей с небом, изначально выполнявшим в мифологии роль отца (архетип Мудреца), а сезонность перелетов – с природой, олицетворяющей мать (архетип Великой Матери). В этом усматривается двойственная функция птицы, способной быть отцом и матерью, а также осуществлять посредническую роль между небом и землей, высшим миром и людьми. Сезонная миграция птицы и ее путешествия указывают на определенную мудрость, в том числе умение воспринимать перемены (архетип Мудреца), а также выносливость, силу, умение преодолевать препятствия в пути и достигать целей (архетип Героя). Птица «в поисках выживания полагается на свои естественные инстинкты» [Богданова, https://www.b17.ru/article/obraz_gusya_s_tochki_zreniya_yungianskoy_psi/], что способствовало появлению метафоры: *гусь – птица мудрости* (архетип Мудреца). Иногда гусь оказывается непредсказуем в своих повадках, начиная кричать и привлекая к себе внимание (архетип Трикстера). Но в целом, исключительные свойства птицы наделяют ее образ охранительными и защитными функциями, способными оказывать влияние на судьбу народа, что объясняет и принесение гусей в жертву. «Гусь берет под опеку всех членов своего семейства, проявляя заботу и защищая от неблагоприятного» [Яковлева, 2024, с. 106]. Неслучайно татары одомашнили дикого гуся, и он оказался хорошо приспособленным к климатическим условиям территории проживания предков татар Среднего Поволжья и Приуралья.

В поведении птицы считаются не только архетипичные черты Мудреца (их дальние перелеты строем связаны с природными циклами и требуют навигации, знания пути, бдительности и умения замечать опасность), но и архетипичные черты Великой Матери (гусыни плодовиты и способны проявлять любовь, заботу и защиту к своим гусятам). Гуси сразу после своего прилета на территорию татар Среднего Поволжья и Приуралья (их Космос) «начинают гнездоваться и выводить потомство»: «гусыня, высиживая яйца, не отходит от них, что позволяет говорить о ней как идеальной матери», а «гусь воинственно охраняет ее, вытягивая шею и шипя при малейшей опасности» [Яковлева, 2024, с. 106]. Более того, гуси являются источником питания, указывая на черты Великой Матери как дарительницы жизни и пищи. Неслучайно с давних времен «в татарских семьях всегда разводили много гусей, желая таким образом заручиться поддержкой тотемной птицы» [Яковлева, 2024, с. 106]. Опосредованно на архетип Великой Матери указывает и татарская пословица, связанная с появлением диких гусей в определенное время года на территории татар: «Гуси прилетят – весна наступит», которая для всех живущих

олицетворяет *мать родную* [Пословицы, 2017, с. 51]. Дело в том, что в это время года начинается посев, урожай которого обеспечивает этнос в холодное время года, начиная с поздней осени до ранней весны. Внимание к будущему урожаю играет роль заботы о роде, а его защиту, по мнению татар, обеспечивает прилежавший гусь как тотемная птица.

Обратили внимание предки татарского народа и на гусиную семью. Птица отличалась моногамностью и преданностью, что позволило ей стать «символическим прообразом татарской семьи» [Яковлева, 2024, с. 106]. В этом отношении мы встречаем в тотемной птице архетип Героя, для которого характерны бдительность, смелость, храбрость, готовность бороться, мужество и забота о других. Вспомним указывающие на перечисленные качества татарские изречения: «гусь щиплет утку» или «гусыне, у которой гусята, корма не достается» [Пословицы, 2017, с. 118, 117]. Сама гусыня олицетворяет материнство и женскую плодовитость, способность заботиться о гусе и гусятах (архетип Великой Матери), что объясняет избрание птицы в качестве покровителя женской судьбы.

В прежние времена праздник *каз эмәсе* играл роль инициации для татарских девушек. И в этом отношении важно действие архетипа Мудреца. Инициация оказывается мощным способом приобщения к народному укладу жизни и мудрости. В рамках данного обряда девушки демонстрируют усвоенные ими навыки по ведению домашнего хозяйства, в том числе по обработке гусей, и даже соревнуются друг с другом в ловкости обработки, пении песен и умении шутить. Обратим внимание и на сексуальный символизм праздничного обряда. У гуся длинная фаллообразная шея, и умение обрабатывать птицу, в том числе готовить из ее шеи блюда, символизирует намерение девушки выйти замуж и продолжить род, подобно гусыне, откладывающей и высиживающей яйца. Об этом свидетельствует и инициация. Как институт родового строя, инициация имела своей целью «научить взрослой жизни, приобщить к ценностям этноса, сформировать практически-хозяйственные навыки, проводя подростков через испытания», чтобы перевести их «на новую ступень развития», согласно которой они становились «полноправными членами взрослого общества» [Яковлева, 2024, с. 105]. Показывая свои умения (чистоплотность, сноровку, уважение к старшим/дому), девушка демонстрирует себя в качестве потенциальной хозяйки дома, практично подходящей к любому делу. Обратим внимание на следующий факт. У татарок в гусиной продукции «ничего не пропадает»: «мясо и жир идут в пищу», «гусиные пух и перо используют в домашнем хозяйстве» («из них делают подушки, перины, кисточки для сковороды или промасливания блинов/

пирогов)), «гусиное крыло раньше становилось венником и основой письменной принадлежности – пера», а «гусиный помет татары используют в домашнем хозяйстве», считая его «одним из ценных видов удобрения почвы» [Яковлева, 2024, с. 107]. Хозяйственные навыки девушки, демонстрируемые в праздничном обряде каз өмәсе, не только определяют ее дальнейшую судьбу, но и обнаруживают в ней самой черты архетипа Великой Матери.

Необходимо отметить, праздник каз өмәсе проходит довольно весело, сопровождаясь шутками, пением песен и танцами, в чем высвечивает архетип Трикстера. Оживленности праздничного действия способствует и присутствие молодых людей, присматривающих себе невесту и заигрывающих с молодыми девушками, что помогает им выбрать умелую хозяйку с хорошим нравом.

Праздник каз өмәсе имеет собственную *драматургию*, помогая наиболее полно раскрыться мыслеформе архетипа. В праздничном действе все присутствующие одновременно становятся и участниками, и зрителями. В развитии праздничной драматургии выделим следующие этапы. В качестве экспозиции действия выступает разведение и откармливание гусей с весеннего периода, а завязкой служит объявление о дне проведения праздника в определенном доме, который готовят к встрече участников. Как правило, проводят обряд осенью, в период начала холодов с появлением первого снега. Выбор подобного периода неслучаен и связан с миграцией диких гусей: осенью они улетали в теплые края, что олицетворяло для людей их исчезновение как смерть птицы. И подобное умирание в виде убоя птиц впоследствии легло в основу действий при проведении праздника каз өмәсе. Как мы отметили, праздник имел инициационную направленность и проводился под руководством старших женщин, передающих свой опыт девушкам. Для них переход на новую ступень жизненного цикла требовал энергии тотема. Само убийство тотема символизировало цикличность жизни и смерти в целом и цикличность человеческой жизни, где конец (как смерть) одной стадии жизненного цикла становился началом другой. В праздничном действе каз өмәсе осуществлялось символическое перерождение татарской девочки в девушку.

Забегая вперед, отметим. Весной татары осуществляли воскрешение птицы, начиная ее разводить. В этом отношении гусь олицетворял собой умирающего и воскресающего бога. Данная аналогия заимствована из земледельческого культа, что позволяет сделать вывод о том, что гусь стал тотемом, когда предки татар перешли к оседлому образу жизни и начали заниматься сельским хозяйством и птицеводством.

Развитие праздничного действия каз өмәсе начинается с прихода участников (нередко со своими инструментами – блюдами, ножами, ножницами) в дом, где все сразу начинают общаться и обмениваться шутками, что демонстрирует открытость людей друг другу и дружелюбие. Позитивный настрой участников праздника связан с тем, что, убивая тотемное животное, они верят в умиловление богов/Бога жертвоприношением, приобщение к силе и качествам тотема, обеспечение себе благополучия и сытой зимы, (что было принципиально важным для прошлых эпох), а также в укрепление связи с представителями тотемной группы, то есть с этносом. Более того, поедание тотема гарантирует вечность его существования и влияния на цикличность бытия, что было значимо для людей, обладающих синкретической формой мышления.

Сначала осуществляется забой гусей по определенным правилам, демонстрирующим уважение к тотемной птице, а после него пожилые и молодые татарки ощипывают гусей. При этом сноровки требует не только ощип гусей, но и сортировка гусяного пуха и пера. Данные этапы сопровождаются обучением молодого поколения старшим, поучительными историями, песнями и шутками. Особо выделяется поход молодежи (девушек в сопровождении парней) к водному источнику с мытьем гусяных тушек. Параллельно с этим хозяйка дома, где проводится праздник, готовит гусяное мясо для праздничной трапезы. Кульминацией праздника становится завершение работ по обработке перьев и мяса и совместная трапеза всех участников. В качестве обязательного угощения становятся блюда с мясом гуся (суп, бэлиш) и блины, смазанные гусяным жиром. Как отметил Г. Гачев, «во рту совершается таинство перетекания Космоса в Логос, материи в дух» [Гачев, 2015, с. 24]. Праздничная трапеза символизирует приобщение к силе тотема, общность людей, их единство с тотемом, взаимосвязь человека и природы (Психеи и Космоса), веру в духовные силы. Сам процесс вкушения олицетворяет закрепление существующих мировых (неба и людей, тотема и людей) и социальных связей. Развязкой праздника становится благодарность хозяев за помощь и совместный труд всем участникам, и расставание людей, оставляющих в памяти воспоминание о праздничном дне.

Необходимо подчеркнуть, что праздник каз өмәсе обладает *катарсисом*, позволяющим всем участникам испытать чувства праздничной приподнятости от общности с тотемом и другими людьми/народом в целом, понимания сохранения и передачи традиции, выражения надежды на сытую зиму, а также настроенности молодых людей на создание семьи.

Выводы

Ощущение нестабильности в современном бытии способствует проявлению у индивида защитного механизма в виде ностальгии. Выступая в качестве экзистенциала, она не только помогает осуществить мысленный возврат в прошлое, связанное со своим народом, но и предоставляет возможность прикоснуться к истокам посредством участия в праздничном действе. Национальный праздник архетипичен. Он базируется на архетипах, глубоко укоренившихся в коллективном бессознательном. Каждый архетип проявляет себя в конкретной культурной форме – мыслеформе. Мыслеформа праздничной стихии сохраняет в себе древнее содержание и обусловленные им действия. Участие в национальных празднествах позволяет личности переоткрыть смыслы, связанные с древними культурными кодами, обрести ориентиры в бытии, пересмотреть индивидуальные ценности и осуществить дальнейший путь, поддерживая связь между поколениями.

Потребность участия в национальном празднике оказывается глубокой тягой современного человека к поиску смысла жизни и ощущению своей принадлежности к этносу. Праздник приводит к метаморфозам. Переживаемая на индивидуальном уровне ностальгия, во время приобщения к праздничным гуляниям позволяет человеку ощутить общность не только с другими участниками, но и с нацией в целом. Подобная праздничная со-бытийность обладает пролонгированным эффектом, позволяя личности существовать с обретенными (забытыми) духовными ценностями и смыслами.

В празднике каз  м се бытовой процесс трансформируется в значимое культурное событие, обладающее сакральностью, целостностью, всеобщностью, прагматичностью, направленностью на эффективность. Праздничный ритуал имеет собственный смысл. Он играет для молодой татарской девушки роль обряда инициации, позволяя ей продемонстрировать хозяйственные навыки. Ключевым символом праздника выступает гусь. Наблюдение за повадками птицы привело к ее превращению в символический образ, обладающий чертами архетипов Великой Матери, Мудреца, Героя и Трикстера. Гусь как тотемная птица татар выступает в качестве символа домашнего благополучия, тепла и уюта, а также единения и солидарности людей, способных взаимодействовать и осуществлять коллективные работы.

Участие в празднике утверждает культ гуся как тотемной птицы татар. И поклонение тотему осуществляется ежегодно, как возобновляемое событие или со-бытие с тотемом и своим этносом. В праздничной атмосфере

возрождается первовремя с его миропониманием и укладом жизни. Захватывающий характер праздника, вовлекающего участвующих в выполнение определенных действий, буквально стирает границу между прошлым и настоящим. Каждый участник забывает, в какой культурно-исторической эпохе он находится. Праздник демонстрирует современному индивиду то, что прошлое значимо для него своей архетипичностью и мыслеформой, позволяя найти вечные ценности и комфортные пространства.

Выявление архетипов в национальных праздниках и их анализ позволяют понять особенности культуры этноса, его национальный Космо-Психо-Логос, что является стимулом к дальнейшим исследованиям национального праздника с точки зрения его архетипичности и мыслеформы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богданова, А.** Образ Гуся с точки зрения юнгианской психологии / А. Богданова. – URL: [https://www.b17.ru/article/obraz_gusya_s_tochki_zreniya_yungianskoy_psi/\(12.01.2025\)](https://www.b17.ru/article/obraz_gusya_s_tochki_zreniya_yungianskoy_psi/(12.01.2025)).
2. **Бойм, С.** Будущее ностальгии / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 680 с.
3. **Гагарин, А. С.** Экзистирование и трансцендирование: философские интерпретации / А. С. Гагарин // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2023. – № 1 (38). – URL: [https://vestnik-omgpru.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1\(38\)2023_9-14.pdf](https://vestnik-omgpru.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1(38)2023_9-14.pdf) (12.01.2025).
4. **Гачев, Г.** Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва: Академический проект, 2015. – 511 с.
5. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Мифологическое мышление / Э. Кассирер. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. – 280 с.
6. **Кривцун, О. А.** Пластическое мышление в искусстве: линии влияния / О. А. Кривцун // Артикульт. – 2018. – № 1. – С. 20–34.
7. **Руди, А.** Пограничная природа ностальгической памяти / А. Руди // Журнал фронтальных исследований. – 2024. – Т. 9. – № 4. – С. 186–207. – URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i4.565>(12.01.2025).
8. **Татарское народное творчество.** Пословицы и поговорки. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2017. – Т. 6. – 366 с.
9. **Топоров, В. Н.** Праздник / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – Москва, 1980. Т. 2. – С. 329–331.

10. **Чеснокова, Л. В.** Философские смыслы ностальгии как тоски по родному дому / Л. В. Чеснокова // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 1 (103). – С. 126–129.

11. **Юнг, К.- Г.** Архетип и символ / К.- Г. Юнг. – URL: https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#p (12.01.2025).

12. **Яковлева, Е. Л.** Понимание судьбы человека в татарском народном творчестве / Е. Л. Яковлева // Культура и текст. – 2024. – № 2 (57). – С. 98–115. – URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2024/05/98-115.pdf>

REFERENCES

1. **Bogdanova, A.** *Obraz Gusja s toчки zrenija jungianskoj psihologii / A. Bogdanova.* – URL: https://www.b17.ru/article/obraz_gusya_s_toчки_zreniya_jungianskoj_psi/ (12.01.2025).

2. **Bojm, S.** *Budushhee nostal'gii / S. Bojm.* – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. – 680 s.

3. **Chesnokova, L. V.** *Filosofskie smysly nostal'gii kak toски po rodnomu domu / L. V. Chesnokova // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija.* – 2016. – № 1 (103). – S. 126–129.

4. **Gachev, G.** *Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira / G. Gachev.* – Moskva: Akademicheskij proekt, 2015. – 511 s.

5. **Gagarin, A. S.** *Jekzistirovanie i transcendirovanie: filosofskie interpretacii / A.S. Gagarin // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija.* – 2023. – № 1 (38). – URL: [https://vestnik-omgpu.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1\(38\)2023_9-14.pdf](https://vestnik-omgpu.ru/volume/2023-1-38/vestnik_1(38)2023_9-14.pdf) (12.01.2025).

6. **Jakovleva, E. L.** *Ponimanie sud'by cheloveka v tatarskom narodnom tvorcestve / E. L. Jakovleva // Kul'tura i tekst.* – 2024. – № 2 (57). – S. 98–115. – URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2024/05/98-115.pdf>

7. **Jung, K.-G.** *Arhetip i simvol / K.-G. Jung.* – URL: https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#p (12.01.2025).

8. **Kassirer, Je.** *Filosofija simvolicheskikh form. Mifologicheskoe myshlenie / Je. Kassirer.* – Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaja kniga, 2002. – 280 s.

9. **Krivcun, O. A.** *Plasticheskoe myshlenie v iskusstve: linii vlijanija / O. A. Krivcun // Artikul't.* – 2018. – № 1. – S. 20–34.

10. **Rudi, A.** *Pogranichnaja priroda nostal'gicheskoi pamjati / A. Rudi // Zhurnal frontirnyh issledovanij.* – 2024. – T. 9. – № 4. – S. 186–207. – URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i4.565> (12.01.2025).

11. **Tatarskoe narodnoe tvorcestvo.** *Poslovicy i pogovorki.* – Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2017. – T. 6. – 366 s.

12. **Toporov, V. N.** *Prazdnik / V. N. Toporov // Mify narodov mira: Jenciklopedija.* – Moskva, 1980. – T. 2. – S. 329–331.